

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

О новых проблемах изучения апокрифического «Слова на воскресение Лазаря»*

Со времени текстологического и историко-литературного исследования древнерусского апокрифического «Слова на воскресение Лазаря» прошло более тридцати лет.¹ За прошедшее время мною были выявлены новые списки памятника и поставлены новые вопросы, связанные с изучением канонических и апокрифических источников «Слова на воскресение Лазаря», с изучением евангельского чуда о Лазаре в славяно-русской письменной и изобразительной традиции, а также вопрос о месте и роли апокрифической литературы в литературе средневековой Руси.

В историю изучения древнерусской литературы «Слово на воскресение Лазаря» вошло с середины XIX в.² В 1900 г. И. Я. Франко в специальной монографии предложил реконструкцию первоначального текста памятника на основе известных ему трех списков, предварив ее небольшим исследованием,³ а в 1979 г. американский славист Д. Р. Хичкок издал монографию о «Слове на воскресение Лазаря», в которой также представил реконструкцию текста.⁴ Она базировалась уже на семи списках, хотя к тому времени исследователям было известно 26. К сожалению, автор не учел и ряд предшествующих работ В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, моих, в которых высказывались взгляды на историю текста памятника, его возможные источники и жанровые особенности. Несмотря на исследования «Слова» И. Я. Франко и Д. Р. Хичкока, критического издания этого интереснейшего оригинального памятника апокри-

* Статья написана в рамках исследовательского проекта, получившего финансовую поддержку РГНФ № 06-04-92747 а / Л. Итоговую статью по этому проекту «Древнерусский апокриф „Слово на воскресение Лазаря“: Некоторые итоги и перспективы изучения» см.: Вестн. РГНФ. 2008. 3 (52). С. 135 --146.

¹ *Рождественская М. В.* «Слово на Лазарево воскресение»: (Памятник литературы Киевской Руси): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

² См. первую публикацию текста А. Н. Пыпиным по списку из Златоуста XVI в., местонахождение которого не было указано, в изд.: Памятники старинной русской литературы / Изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 11—12.

³ *Франко И.* «Слово о Лазарево воскресении»: Староруська поема на апокрифічні теми // Зап. наук. Товариства ім. Шевченка. Львів, 1900. Т. 35--36. С. 1-- 56 (исследование и реконструкция текста).

⁴ *Hitchcock D. R.* The Appeal of Adam to Lazarus in Hell: Slavistic printings and reprintings. Indiana University. 302. The Hague: Paris: New York, 1979 (см. мою рецензию на это издание: *Byzantinoslavica*. 1980. Т. 41. С. 235--237). Библиографию работ о «Слове», вышедших до 1987 г., см. в моей статье: Словарь книжников. Вып. 1. С. 427--428.

фической литературы до сих пор не появилось. Хотя уже одно только сходство начальной части его текста с отдельными фразами из «Слова о полку Игореве»,⁵ на которое обращали внимание почти все писавшие о нем, казалось бы, настоятельно требует осуществления такого издания. Вот почему считаю возможным и необходимым вновь обратиться к этому памятнику древнерусской оригинальной апокрифической литературы.

«Слово на воскресение Лазаря» датируется мною концом XII—началом XIII в. Самые ранние из известных списков «Слова» относятся к началу XV в. По справедливому замечанию И. П. Еремина, оно «все соткано из целого ряда апокрифических мотивов, комбинация которых является оригинальной и принадлежит автору».⁶ Какие же задачи полного исследования «Слова» и подготовки его научного издания остаются актуальными сегодня?

Во-первых, за последние годы в рукописных собраниях государственных библиотек: РНБ, РГБ, БАН, РО ГИМ, в Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН были выявлены новые списки «Слова», которые необходимо сравнить с уже известными и изученными мною списками XV—XVIII вв. и тем самым уточнить литературную историю его текста. Во-вторых, следует расширить историко-литературное исследование «Слова» в контексте как эпохи его создания, так и последующей древнерусской книжной традиции. В моих статьях ставились вопросы о соотношении «Слова» со «Словом о полку Игореве» в целом (а не только в близком обоим сочинениям фрагменте описания игры Бояна и царя Давида на струнных инструментах),⁷ о древнеболгарских литературных параллелях к апокрифическому «Слову» (сопоставление его с сочинениями на праздник Воскресения Лазаря Климента Охридского) и о мотиве «Воскресение-Сошествие во ад» в древнеславянских текстах,⁸ о влиянии «Слова на воскресение Лазаря» на сочинения юго-западного проповедника Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, созданные в начале XVII в.⁹ Возвращение к этим проблемам с учетом новонайденных ма-

⁵ Речь идет о вступительной части «Слова на воскресение Лазаря» и вступлении в «Слове о полку Игореве». В «Слове на воскресение...» царь Давид «ударя рече, в гусли. (вос)кладая своя очитая (многоочитая) персты на живыя струны»; в «Слове о полку Игореве» Боян «своя вьшая персты на живая струны вьскладаше». Цитирую по тексту первого издания 1800 г. См.: «Слово о полку Игореве». (Б-ка поэта. Большая серия). Л., 1985. С. 3.

⁶ Еремин И. П. Учительная литература // История русской литературы. М.: Л., 1941. Т. 1. В главе «Русская литература XI—нач. XIII в.». С. 363—364. См. также: Еремин И. П. Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968. С. 92—94.

⁷ Рождественская М. В. «Слово на Лазарево воскресение» в его отношении к «Слову о полку Игореве» // Русская и грузинская средневековые литературы. Тбилиси, 1992. С. 157—164.

⁸ Рождественская М. В. 1) Воскрешение Лазаря: Древнерусские и древнеболгарские литературные параллели // 1100 години Велики Преслав. Т. 2: Великопреславски Събор. 16—18 септ. 1993. Шумен, 1995. С. 34—35; 2) «Воскрешение-Сошествие во ад»: Сюжет и мотив (древнеславянские литературные параллели) // Tradicija i inwencija: Wiatki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowianskich. Lodz. 1999. С. 21—27.

⁹ Рождественская М. В. Об одной записи к «Зерцалу Богословия» Кирилла Транквиллиона // Исследования по древней и новой литературе: Сб. статей к 80-летию акад. Д. С. Лихачева. Л., 1987. С. 190—194.

териалов позволит определить место «Слова на воскресение Лазаря» среди других гомилетических памятников и апокрифической литературы русского средневековья на тему «Воскресение-Сошествие во ад».

Один из существенных вопросов, возникших в ходе новых разысканий, — вопрос о названии памятника. В результате изучения длительной рукописной традиции «Слова» подтвердилось мнение И. Я. Порфирьева о существовании двух редакций,¹⁰ в свое время названных нами Пространной и Краткой. Помимо сюжетных и некоторых текстовых расхождений редакции отличаются друг от друга также разными названиями. Краткая редакция обозначается в списках как «Слово (или «повести») святых отец (или «святых пророк», «святых апостол»), иже от Адама во аде к Лазарю», и это название вполне соответствует содержанию текста в списках данной редакции, поскольку здесь главным сюжетным ядром оказывается плач-молитва Адама, который мучается в аду вместе с другими пленниками — ветхозаветными царями и пророками. Узнав от пророка Давида, возвестившего под звуки гусельных струн о скором приходе в ад Христа-Спасителя и о воскрешении им праведного Лазаря, Адам, ударяя себя в грудь, со слезами обращается к Господу с мольбой об освобождении его и других пленников — царей и пророков — из адского плена: ведь они ничем не заслужили, говорит Адам, столь тяжкого наказания, напротив, каждый из них по-своему восславил Господа. Именно в этом пассаже о Давиде, который «воскладает свои очитые (или «многоочитые». — *М. Р.*) персты на живые струны», находят текстовые соответствия со «Словом о полку Игореве». В упреках Адама о суровости божественного наказания можно видеть идейный апокрифический элемент «Слова на воскресение Лазаря». Содержательный элемент связан с использованием составителем «Слова» переводных апокрифических источников. На этой мольбе Адама, обнаруживающей структурные параллели с народно-поэтическими плачами, и завершается «Слово» в Краткой редакции. Пространная же редакция «разворачивает» повествование дальше: более или менее подробно в разных списках пересказывается евангельский сюжет о воскрешении Лазаря (Иоан. 11: 38—44) и сообщается о событиях в аду, где персонифицированный Ад вступает в спор с Сатаной, испугавшись скорой гибели от рук Христа. Христос спускается в ад, разрушает его оковы, выводит на Божий свет Адама, а затем освобождает из ада и всех остальных пророков и праведников. Впереди шествует пророк Давид, снова «бряцая» на гусях, и все вместе входят в рай.

Большинство списков Пространной редакции названо в рукописях «Словом в цветную субботу поста Иоанна Златоуста (или «Иакова брата Господня») на Лазарево воскресение». реже «о Лазаревом воскресении», т. е. иначе, чем списки Краткой редакции. Несколько списков, сохранивших черты обеих редакций, имеют особое название «О пророцѣх» или «О радости праведных во аде пред Христовым пришествием». Исходя из того, что основной состав рукописных сборников, включающих «Слово на воскресение Лазаря», представлен главным образом гомиллиями, вхо-

¹⁰ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // СОРЯС. СПб., 1890. Т. 52. № 4. С. 36—49.

дившими в Златоусты Постные и Недельные, а также в Измарагды и Торжественники, и что «Слово» в них чаще всего, особенно в списках Пространной редакции, приурочено к 6-й, или Лазаревой, субботе Великого поста (притом что само «Слово» по содержанию шире, чем только рассказ о евангельском чуде) — исходя из всех этих соображений, предлагаю называть этот памятник «Словом» не «о», а «на» «воскресение Лазаря». Такое название представляется вполне оправданным, поскольку оно определяет сам день церковного календаря, к которому приурочивалось «Слово», и позволяет объединить под этим названием текст обеих его редакций, весьма отличных по содержанию и по тому месту, которое в них занимает евангельский эпизод, ведь в списках Краткой редакции его просто нет.

Со времени первой публикации «Слова на воскресение Лазаря» А. Н. Пыпиным в 1862 г. по неизвестному списку XVI в. только И. Я. Порфирьев и И. Я. Франко в 90-х гг. XIX в. обратили на него более пристальное внимание. И. Я. Порфирьев, изучавший и подробно пересказывавший ветхозаветные и новозаветные апокрифы по рукописям собрания Соловецкого монастыря, детально им описанного, помимо более или менее подробного пересказа опубликовал «Слово» по списку XVI в. этого собрания (Пространную редакцию. — *М. Р.*), предпослав публикации небольшую заметку.¹¹ В ней он впервые высказал предположение о том, что источниками «Слова» были два переводных греческих апокрифических сочинения, а именно, генетически связанные с апокрифическим Евангелием Никодима «Слово в святую и великую субботу о погребении тела Господня» Епифания Кипрского и «Слово в святую и великую пятницу о сошествии Иоанна Предтечи в ад» Евсевия Александрийского (или «Самосатского», или «Григория Никомидийского»). Кроме того, именно И. Я. Порфирьев отметил влияние «Слова на воскресение Лазаря» на составленные в начале XVII в. упоминавшиеся сочинения Кирилла Транквиллиона Ставровецкого «Учительное евангелие» и «Зерцало Богословия», особенно на одно из поучений, входившее в «Зерцало», — «О воскрешении Лазаря и о рыдании сущих во аде праотец». Фраза о пророке Давиде в «Слове на воскресение Лазаря», имеющая параллель с текстом о Бояне в «Слове о полку Игореве», оказалась знакома переписчику «Зерцала Богословия» Кириллу Транквиллиону, написавшему: «Давид седяй накладка очитыя персты на живыя струны, мы же, приемля трость скорописную с чернилом и бумагу, накладаем письмена».

Помимо Соловецкого списка И. Я. Порфирьеву был известен и список «Слова», опубликованный А. Н. Пыпиным. «При одинаковом содержании, — писал он, — „слова“ отличаются по языку и представляют две разные редакции одного более полного и более обширного слова о Лазаре <...> нельзя ли думать, что автору или переделывателю слов об Адаме и Лазаре было известно „Слово о полку Игореве?“».¹² Заметим, что «Слово на воскресение Лазаря», как и «Слово о полку Игореве», оказываются близки друг другу не только изображением гусельной игры Бояна и про-

¹¹ Там же. С. 228—231 (издание текста по списку РНБ. Соловецкое собр., № 846).

¹² Там же. С. 48.

рока Давида, но темой плена как временной смерти. И. Я. Порфирьев предполагал, что «Слово на воскресение Лазаря» представляет собой «народную переделку какого-то древнего апокрифа», что согласуется со следующим его высказыванием: «Под влиянием древних апокрифов, которые были прямыми подражаниями каноническим евангелиям, деяниям и посланиям апостольским и апокалиписам, возникло впоследствии множество второстепенных апокрифических сказаний, которые составляют переделку, сокращение или дополнение и вообще дальнейшее развитие их в тех или других подробностях, в том или другом направлении».¹³ «Народную переделку» неизвестного апокрифа И. Я. Порфирьев видел в лексике «Слова на воскресение Лазаря», приведя как пример следующие выражения опубликованного им списка из Соловецкого собрания: «воспоём дружина песнями днесь», «Исайя и Иеремяя ругающеся адови», «тугою сердце тешат», «да мене жаль ли ти, Господи, или не жаль», полногласную форму «полоняник» вместо неполногласной «пленник». Неясно, однако, по какому критерию определял исследователь «народность» этой лексики. На связь с древнейшей апокрифической литературой указывают, по мнению И. Я. Порфирьева, и легендарные подробности Соловецкого списка (и, добавлю, некоторых других списков той же Пространной редакции) о пророке Исае и царе Соломоне.

В конце XIX в. украинский поэт, публицист и ученый И. Я. Франко исследовал и издавал библейские апокрифы по южнорусским и украинским рукописям разного, в основном позднего времени.¹⁴ В 1899 г. он опубликовал еще один (помимо Соловецкого списка, изданного И. Я. Порфирьевым, и списка, изданного А. Н. Пыпиным), третий список «Слова на воскресение Лазаря» по рукописи XVI в. из собрания Киевской Духовной академии (обозначим его литерой К. — М. Р.).¹⁵ Рассматривая вопрос о влиянии на древнерусскую и староукраинскую письменность второй части апокрифического Евангелия Никодима с рассказом о событиях в аду перед Христовым пришествием туда, И. Я. Франко упомянул и о «повести святых апостол о Лазареве воскресении» как о древнем памятнике, близком по форме к «Слову о полку Игореве». Вот что он писал об этом: «Мы имеем здесь произведение необычайной поэтической ценности, которое энергией высказывания, пластикой образов и всем составом обнаруживает близкое родство со „Словом о полку Игореве“, что заметил уже и И. Я. Порфирьев, произведение, без сомнения, оригинальное русское и хоть основанное на апокрифической теме — мучение праведников в аду и выведение их оттуда Иисусом, — все-таки в высшей степени оригинальное в своей композиции. Оставляя детальный его разбор до другого случая, замечу здесь лишь то, что существование его представляет нам интересную аналогию Древней Руси с Западной Европой: как там, так и тут в начале развития национального литературного

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Франко І. Апокріфи і легенди з українських рукописів // Памятки Українсько-Руської мови і літератури. Львів, 1896.—1899. Т. 1—5.

¹⁵ Франко І. Апокріфи І легенди... Т. 2: Апокріфи новозавітні. Апокріфічні евангелія. У Львові, 1899. С. 315—316.

творчества, помимо чисто национальных тем (Роланд во Франции, Нибелунги в Германии), видим поэтические переработки тем апокрифических».¹⁶

Напомню, что в 1900 г. И. Я. Франко повторил издание «Слова на воскресение Лазаря» по Киевскому списку, сопроводив его обширной статьей.¹⁷ Отметив большое сходство издаваемого им списка со списком «Слова», изданным А. Н. Пыпиным, и отличие обоих списков от Соловецкого, И. Я. Франко на основе этих трех списков предпринял попытку восстановить историю текста и предложил реконструкцию его первоначального вида. Он возражал против представлений И. Я. Порфирьева о «Слове» как о народной переделке: «...употреблять этот термин надо с оговоркой, с какой можно „Слово о полку Игореве” назвать народной русской поэмой»,¹⁸ в чем был, на мой взгляд, совершенно прав. Именно И. Я. Франко, сопоставившему названия памятника во всех трех известных ему списках, принадлежит мысль о его общем наименовании «Словом о Лазаревом воскресении», которое и было впоследствии принято в качестве его научного обозначения. Однако, как уже было отмечено, название это не охватывает всего содержания «Слова», рассказывающего не только о евангельском чуде, но и о сошествии Христа в ад, и поэтому неточно. И. Я. Франко не только обратил внимание, как и И. Я. Порфирьев, на содержательную связь «Слова» с переводными «словами» Евсевия Александрийского и Епифания Кипрского, но и текстуально сравнил их между собой. Он пришел к выводу, что неизвестный автор «Слова на воскресение Лазаря», без сомнения, использовал сочинение Епифания Кипрского в качестве источника. Добавим, что в одном из списков Пространной редакции «Слова» из Дрвнлехранилища им. В. И. Малышева (ИРЛИ РАН), собр. Пинежское, № 280, 1533 г., оставшемся неизвестным ни И. Я. Порфирьеву, ни И. Я. Франко, ни другим исследователям по причинам его более позднего поступления в Дрвнлехранилище из археографических экспедиций, обнаруживаются следы повторного по сравнению с первоначальным текстом Пространной редакции обращения к «слову» Епифания Кипрского. Но источники «Слова на воскресение Лазаря» и параллели к нему — это не только апокрифические «слова» на тему Воскресения и Сошествия во ад. Это прежде всего обширный авторитетный круг святоотеческой литературы, особенно той, которая связана с евангельским сюжетом Воскрешения Лазаря. В древнеславянские сборники постоянного состава, такие как Златоуст Постный и Недельный, Торжественник, Измарагд, на Лазареву субботу обычно включались четыре похвальных «слова» четверодневному Лазарю: Иоанна Златоуста, Похвала Андрея Критского, известная в славянском переводе уже с XI в., «слова» епископа Вострского Тита, патриарха Фотия, два похвальных «слова» о Лазаре Климента Охридского. И апокрифические сочинения на тему Сошествия во ад также включались в эти сборники. Все названные тексты связаны с образом четверодневного Лазаря: евангельское чу-

¹⁶ Благодарю Е. Г. Водолазкина за перевод данного фрагмента на русский язык.

¹⁷ Франко И. «Слово о Лазареве воскресении». С. 1—56.

¹⁸ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания... С. 41.

до, последнее из чудес, совершенное Христом перед его входом в Иерусалим на смертную казнь, оказывалось центром, объединившим темы смерти и воскресения. Не меньшую роль играет в «Слове на воскресение Лазаря» и тема Рождества, так как в начальных фразах обеих редакций пророк и царь Давид возвещает о рождении младенца, который вскоре придет спасти пленников в аду. Поэтому закономерно, что два списка «Слова» из собрания Большакова (РГБ) и Пинежского (ИРЛИ), оба XVI в., приурочены одновременно и к Лазаревой субботе, и к Рождеству Христову. Автор «Слова» последовательно обозначает все три важнейшие точки сакрального цикла: рождество—смерть—воскресение. Мотив рождения—смерти в «Слове» развивается при помощи ключевых слов «вертеп», «пелены», «ясли», «рождество», «погребение». Это общая модель для «Слова на воскресение Лазаря», «слова» Елифания Кипрского и для похвальных «слов» Климента Охридского. В разработке названных общих сюжетов «Слово», конечно, не оригинально — оригинальна сама контаминация разных источников и мотивов, о чем писал уже И. П. Еремин. «Слово на воскресение Лазаря» являет собой пример последовательной разработки своеобразной «литературной иконографии» рассматриваемых сюжетов в древнерусской письменной традиции. Общий для обеих редакций «Слова» покаянный плач-молитва Адама в аду — эпизод, стягивающий вокруг себя все предшествующие (пророчество Давида о рождении младенца Христа) и последующие (освобождение Христом пленников из ада) события. Покаянно-поминальная функция темы рождества—смерти—воскресения, главной в «Слове», отразилась в древнерусской иконописи. Так, группа псковских икон, по наблюдениям И. А. Шалиной,¹⁹ обладает дополнительными, по сравнению с традиционной иконографией, особенностями. Это, например, замечает исследовательница, миндалевидная, «пустая» мандорла в псковской иконе XVI в. «Воскресение Христово» (Сошествие во ад). «Христос, — пишет И. А. Шалина, — пребывает не в ореоле славы или небесного сияния, а в некоем замкнутом пространстве, темная оболочка которого, как скорлупа, отделяет его от внешнего мира».²⁰ И. А. Шалина отмечает «плотность и замкнутость» такой мандорлы. Можно задаться вопросом, а не есть ли эта мандорла — одновременное напоминание о яслях и о гробе, двух земных точках рождения и смерти Христа, что акцентируется и создателем «Слова на воскресение Лазаря»? На варьировании покаянных мотивов, обнаруживающих сходство с некоторыми молитвами Кирилла Туровского,²¹ построен и плач-молитва Адама в Краткой редакции «Слова на воскресение Лазаря». Высказанные соображения не должны приводить к мысли о прямом обращении псковских иконописцев к тексту «Слова» (среди его списков только один псковско-новгородского

¹⁹ Шалина И. А. Псковские иконы «Сошествие во ад»: Литургические интерпретации и иконографические особенности // Восточно-христианский храм: Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 230—269.

²⁰ Там же. С. 256.

²¹ На это сходство обратила в свое время мое внимание Н. С. Демкова при работе над историей текста «Слова». Последовательное сопоставление его с сочинениями Кирилла Туровского также входит в задачу нашего нового обращения к «Слову».

происхождения), но можно говорить о другом — об очень близком параллельном восприятии иконописцами и древнерусскими книжниками божественного смысла смерти и воскресения и использовании ими сходных покаянно-погребальных мотивов в разработке евангельских сюжетов «Воскрешение Лазаря» и «Воскресение Христово (Сошествие во ад)».

Если обратиться к теме последующего влияния апокрифического «Слова на воскресение Лазаря» на литературу, то прежде всего надлежит указать на упомянутые сочинения Кирилла Транквиллиона Ставровецкого. В вопросе о взаимоотношениях «Слова на воскресение Лазаря» с текстом «Учительного евангелия» Кирилла Транквиллиона И. Я. Франко был более категоричен, чем И. Я. Порфирьев. Он прямо назвал «Слово на воскресение Лазаря» источником «Учительного евангелия» Кирилла. Однако его предположение, что Кирилл назвал первым среди праведников, мучающихся в аду, не Адама, а Авеля, будто бы для того чтобы не вызвать подозрения, что он создал свое сочинение «із чужих кусників», не кажется убедительным. И. Я. Франко был сторонником того взгляда, что «Слово» было написано на территории Руси, основываясь на стилистических факторах, — поэтический стиль, который виден в «Слове», по мнению исследователя, не встречается в русских переводах византийской литературы. Но сравнительного стилистического анализа при этом И. Франко не провел, и такое заявление нуждается в более серьезных доказательствах. Вместе с тем И. Я. Франко наметил «единую поэтическую традицию», которая, по его мнению, связывает «Слово» не только со «Словом о полку Игореве», но и со «словом о Романе Волынском» в Галицко-Волынской летописи под 1201 г., и со «Словом о гибели русской земли». Стилистическое сходство «Слова» и «Похвалы Богу о всей твари» Георгия Пизиды в Шестодневе также отмечалось И. Я. Франко. Однако названные параллели требуют отдельного изучения. И. Я. Франко датировал «Слово на воскресение Лазаря» концом XIII — началом XIV в. Позже круг памятников, близких к «Слову на воскресение Лазаря», был расширен: к этому ряду В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Ереминым, мною, а также Д. Р. Хичкоком были добавлены «Моление Даниила Заточника», молитвы и «слова» Кирилла Туровского, Псалтырь. Книга пророка Исаяи, «Задонщина» — в той части, где речь идет о Бояне. Создателю «Задонщины» могло быть известно не только «Слово о полку Игореве», но и «Слово на воскресение Лазаря», так как только в этих двух сочинениях при описании игры Бояна и царя Давида на гусях струны и персты названы и «живыми», и «златыми».²² Такое предположение как будто не отвергает датировки этого памятника концом XIII—началом XIV в., предложенной И. Я. Франко, но оставляет возможность датировать «Слово на воскресение Лазаря» и более ранним временем, поскольку круг перечисленных близких ему сочинений был хорошо известен древнерусским книжникам уже в домонгольскую эпоху. В этом контексте важное значение приобретает статья

²² См.: *Рождественская М. В.* Царь Давид, царь Симеон и веший Боян // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 104—109.

А. С. Николаева, существенно дополняющая вопрос о параллелях и источниках «Слова на воскресение Лазаря».²³ А. С. Николаев обнаружил в греческом тексте гомилии Иоанна Златоуста, посвященной Страстной неделе и не имеющей перевода на славянский язык, фрагмент, в котором при описании игры царя Давида струны его инструмента (кифары) названы «неживыми» в противоположность «живым» струнам кифары Церкви. В свою очередь Иоанн Златоуст, как показывает А. С. Николаев, опирался в этом отрывке еще на ряд источников. В результате их анализа и сопоставления с текстом греческой гомилии Иоанна Златоуста, а также со «Словом о полку Игореве» и «Словом на воскресение Лазаря» автор приходит к следующему выводу: «Таким образом, даже при самом приблизительном рассмотрении видно, что в основе толкования Иоанна Златоуста, послужившего источником для древнерусского образа „живых струн“, лежит несколько переплетающихся традиций толкования музыкальной символики... Среди них можно выделить оппозицию „Ветхий Завет—Новый Завет“, связанную с ней оппозицию „неживой—живой“».²⁴ Не останавливаясь на дальнейших весьма интересных рассуждениях автора, отсылаю читателей непосредственно к его статье. Приведенное высказывание имеет важное значение для решения вопроса о времени создания «Слова на воскресение Лазаря» и о его связи со «Словом о полку Игореве».²⁵

Называя «Слово» поэмой, И. Я. Франко высоко оценивал его литературную сторону и относил его к жанру дружинной поэзии, от которого, правда, осталось очень мало образцов. Характерно, что при реконструкции первоначального вида «Слова» И. Я. Франко разделил текст на отдельные строфы. Однако вопрос о наличии в тексте ритмизованной прозы также требует специального изучения. Жанровой принадлежности «Слова на воскресение Лазаря» была посвящена и моя статья, в которой оно рассматривалось как памятник торжественного красноречия (по терминологии И. П. Ёремина) с включением в него полукнижного, полуфольклорного плача-молитвы Адама.²⁶ Что же касается лингвистической характеристики известных И. Я. Франко трех списков памятника, то он предположил южнорусское происхождение «Слова», правда не проведя самого анализа языкового материала. Киевский список, по его мнению, написан на южнорусском диалекте, список, изданный А. Н. Пыпиным, — на западнорусском, Соловецкий — на великорусском. Отсюда следовало, что язык Соловецкого списка дальше всех отстоит от оригинала, а самым близким к оригиналу является Киевский список. Но в связи с последующим обнаружением и исследованием остальных списков «Слова», география

²³ Николаев А. С. О возможном источнике выражения «живые струны» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 54: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. СПб., 2003. С. 565—580.

²⁴ Там же. С. 574.

²⁵ Более подробно этот вопрос затрагивается нами в статье «Еще раз о времени написания апокрифического „Слова на воскресение Лазаря“», под отвешенной для сборника научных статей к 60-летию А. В. Назаренко (в печати).

²⁶ Рождественская М. В. О жанре «Слова о Лазаревом воскресении» // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 109—119.

его распространения в письменной культуре Древней Руси расширяется. И. Я. Франко обратил внимание и на аллитерацию в тексте «Слова», также сближающую его со «Словом о полку Игореве», сославшись при этом на опыт англосаксонской, староисландской, норманнской и древненемецкой поэзии. Однако примеров конкретного сходства И. Я. Франко также не привел. Эти его высказывания, заслуживающие определенного внимания, не получили пока должного рассмотрения и потому остаются недоказанными. В дальнейшем лингвистический анализ доступных ему уже не трех, а семи списков «Слова» был проведен Д. Р. Хичкоком. Как уже упоминалось, автор не был знаком с работами В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина и моими, поэтому остальные девятнадцать списков остались вне его поля зрения, хотя, судя по записям в «листах использования», Д. Р. Хичкок работал с некоторыми списками «Слова» в московских хранилищах, в частности в ГИМ и в РГБ. Он описал палеографические данные списков, диакритики, фонологию, морфологию, синтаксис, лексику, издал параллельно известные ему изученные списки «Слова», представил в заключительной части своей монографии фототипическое воспроизведение фрагментов рукописей с текстом «Слова», а также небольшой глоссарий. Автором были затронуты и вопросы литературных источников «Слова», и вопросы мировоззренческого характера, по его мнению, отразившиеся в «Слове». Как и И. Я. Франко, Д. Р. Хичкок представил собственную реконструкцию первоначального текста «Слова на воскресение Лазаря», но поскольку она была выполнена без учета всей рукописной традиции, насчитывающей сегодня более 30 списков, то нуждается в пересмотре.

После И. Я. Порфирьева и И. Я. Франко, чьи работы наиболее развернуто для своего времени представляют «Слово на воскресение Лазаря», следует остановиться на замечаниях о «Слове» И. П. Еремина, который в разделе, посвященном учительной литературе Древней Руси в десятитомной академической «Истории русской литературы» назвал «Слово» загадочным памятником и указал на полную его неизученность. Он считал «Слово» образцом древнерусского торжественного красноречия, русским по происхождению, и включил раздел о нем в университетский курс своих лекций. Из перечисленных в этом курсе названий сохранившихся списков «Слова» можно понять, что И. П. Еремину помимо изданных его предшественниками были известны и другие списки, впоследствии включенные нами в текстологическое исследование «Слова». Его критическое научное издание И. П. Еремин назвал ближайшей задачей нашей науки. Упомянутая монография Д. Р. Хичкока основана на изучении неполной рукописной традиции памятника и потому не может возместить этот пробел. Изученная мною литературная история текста «Слова на воскресение Лазаря» и предложенная текстологическая стемма, демонстрирующая отдельные этапы развития текста обеих редакций памятника и их вариантов, наблюдения над его поэтикой, жанровыми особенностями и его возможными источниками дают основу для осуществления подобного издания.

В дальнейшем после работ И. П. Еремина «Слово на воскресение Лазаря» было использовано в научной литературе в основном как параллель

к «Слову о полку Игореве».²⁷ В некоторых статьях я старалась показать, что со «Словом о полку Игореве» «Слово на воскресение Лазаря» связывает не только общий фрагмент об игре на струнном инструменте Бояна и царя Давида, сближающий этих «песнотворцев», не только то, как эта игра изображается двумя средневековыми авторами, но и то, как строятся сами образы двух певцов. Оба наделены провидческим-пророческим даром: Давид томится в аду и предвещает рождение Христа и скорое спасение пленников. И Боян, и Давид переходят мыслью от прошлого к настоящему и будущему, пересекая границы времен. Композиция обоих памятников и способ авторского повествования в них во многом определяются этими двумя персонажами. Воспринятые древнеславянскими книжниками как единый мифологический образ, они вместе с тем — поэты своего мира: Боян — мира языческих представлений, Давид — мира библейско-христианской мудрости.²⁸ Важно и то, что «Слово о полку Игореве» и «Слово на воскресение Лазаря» объединяет общий сюжетобразующий мотив смерти / гибели как воскресения. Этот мотив как важнейший для художественной структуры «Слова о полку Игореве» более двадцати лет назад был описан Б. М. Гаспаровым.²⁹ Объединяет оба памятника и тема плена как временной смерти, о чем уже упоминалось ранее, — половецкого плена для князя Игоря и адского — для Адама и пророков. Отсюда и противопоставление печали, туги (в обоих памятниках употреблено это слово, в одном случае оно связано с Адамом, в другом — со всей Русской землей) — веселью и радости: в «Слове о полку Игореве» — когда Игорь возвращается на Русскую землю, в «Слове на воскресение Лазаря» — когда Христос выводит всех пленников из ада. Но это только самые общие параллели. Они подтверждаются и текстовыми совпадениями, которые требуют внимательного изучения. Соответственно проблемы поэтики «Слова на воскресение Лазаря» и его жанра остаются в кругу не до конца проясненных и требует своего дальнейшего разрешения. При этом «Слово на воскресение Лазаря» обнаруживает столь явные тематические и текстовые параллели с сочинениями Климента Охридского, Кирилла Туровского, с кругом святоотеческой и апокрифической литературы на тему Воскресения и Сошествия в ад, что, кажется, нет сомнения в его более раннем — рубеж XII—XIII вв. — происхождении.

Наконец, обратимся к новонайденным за последние годы спискам «Слова», о которых упоминалось в начале статьи и изучение которых может дать дополнительные наблюдения и над историей текста «Слова на воскресение Лазаря», и над характером использования его источников, и над его литературной природой. Все эти списки находятся в рукописях из собраний государственных хранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Списки, которые можно отнести к Пространной редакции:

1. РНБ, собр. Погодина, № 197, 1618 г., л. 193 об.—196 об. (был указан мне Л. А. Дмитриевым); 2. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 4/4, нача-

²⁷ См., например: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968. С. 54—55; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2: Д—Копье / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1967. С. 82 (живой · живые).

²⁸ *Рождественская М. В.* Царь Давид, царь Симеон и вешний Боян. С. 108.

²⁹ См. об этом: *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien. 1984.

ло XV в., л. 57—57 об.;³⁰ 3. ГИМ, собр. Вахрамеева, № 427, граница XV—XVI вв., л. 228—234 об.; 4. РНБ, Софийское собр., № 1302, начало XVII в., л. 202 об.—206 об.

К редакции Краткой можно отнести следующие списки.

1. РНБ, собр. Погодина, № 944, середина XVI в., л. 137—139. Опубликовано мною в 1998 г.;³¹ 2. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Новгородско-Псковское собр., № 34, граница XVII—XVIII вв., л. 195—197 об.; 3. БАН, Архангельское собр., Д-104, втор. четв. XVI в., л. 229 об.—231 об.; 4. РГБ, ф. 445, № 33 (собр. Симферопольского педагогического института), список 1551 г., л. 374 об.—376 (указан мне А. А. Туриловым); 5. РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 95, список 1600 г., л. 126—128 (указан мне А. А. Туриловым).³²

Уже предварительное знакомство с перечисленными списками показало, что все они достаточно традиционны, серьезных отличий от текста «Слова» в других известных нам списках не наблюдается, состав рукописей, в которых они находятся, также традиционен: в основном это сборники постоянного состава или смешанного содержания. Исключение представляет собой один из ранних списков «Слова» из РНБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 4/4. Он датируется началом XV в. и помещен в конце рукописи с текстом Евангелия от Марка. Текст переписан с нового листа и, скорее всего, никак не связан с содержанием рукописи. Сохранилось только начало «Слова на воскресение Лазаря», но уже по его первым фразам можно определить, что список относится к Пространной редакции. В отмеченных рукописях «Слово» — не единственный апокриф. Так, в составе сборника БАН, собр. Архангельское, Д-104, который является Торжественником общим (минейным и триодным) с включением синаксарных чтений, кроме «Слова на воскресение Лазаря», помещены апокрифы о иерействе Христа, Слово Евсевия Александрийского о сошествии Иоанна Предтечи в ад, апокриф о суде кесаря Тиверия и о смерти Пилата и др. Сборник этот был в поле зрения многих исследователей из-за большого количества переписанных в нем житий русских святых: князей Бориса и Глеба, Евфимия Новгородского, Иоанна Новгородского (рассказ о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим), Кирилла Белозерского, Дмитрия Прилуцкого, Кирилла Ростовского и др. Содержание остальных сборников, включающих новонайденные списки «Слова на воскресение Лазаря», в основном идентично содержанию рукописей со списками «Слова».

Итак, можно наметить некоторые аспекты изучения древнерусского апокрифического «Слова на воскресение Лазаря», которые были недоста-

³⁰ В словарной статье, посвященной «Слову на Лазарево воскресение», этот список был ошибочно отнесен мною к Краткой редакции. См.: Словарь книжников. Вып. 1. С. 426—428.

³¹ *Рождественская М. В.* О новых списках древнеславянского апокрифа «Слово на воскресение Лазаря» // *Медиевистика и культурна антропология: Сб. в чест на 40-годишната творческа дейност на проф. Донка Петканова.* София, 1998. С. 211—218.

³² Уже после того как эта статья была сдана в печать, Н. В. Савельева сообщила мне еще о нескольких списках «Слова на воскресение Лазаря», за что я ей признательна. В настоящий обзор эти списки не вошли.

точно разработаны до сих пор или вовсе не затрагивались. Прежде всего, это уточнение истории текста памятника, обусловленное введением в научный оборот новых списков, затем — вопрос об источниках и их функциях в тексте «Слова», изучение литературного и художественного контекста «Слова» в средневековой славяно-русской книжности и изобразительном искусстве (в иконописи), рассмотрение «Слова» на широком фоне святоотеческой гомилетики и апокрифической литературы на тему Воскресения—Сошествия во ад. Полагаю, что решение всех этих вопросов несомненно расширит и конкретизирует представление не только о «Слове на воскресение Лазаря», но в целом о роли и функции апокрифических (как переводных, так и возможных оригинальных) памятников в литературе и изобразительном искусстве средневековой Руси.